

ЕВГЕНИЙ — О ВРЕМЕНИ, ЕВТУШЕНКО О РОССИИ, О

Кн. обозрение. — 1998. — 11 авг. — с. 16-17

ВЕЧЕР Евгения Евтушенко в Политехническом музее столицы традиционно проводится в день рождения поэта. Нынешний был посвящен его 65-летию. Собрались поклонники поэзии Е.Е., пришли писатели и служители муз... То ли жара, то ли корпоративная спесь — но коллег поэта по литературному цеху было раз-два — и обчелся: Лев Аннинский, Вадим Рабинович... Был и А. Вознесенский — Александр Вознесенский, поэт-сотрудник «Независимой газеты», выполнявший, кажется, функцию представителя за себя и своего знаменитого однофамильца.

Евгений Евтушенко читал стихи — старые, новые, кусок прозы, много рассказывал. Фрагменты, отрывки его «непричесанных» рассказов, может быть, когда-нибудь войдут в книгу, станут воспоминаниями, прозой, стихами... В этом — смысл нашей публикации.

Верные старой дружбе с поэтом, корреспонденты «КО» взяли у него близ-интервью и новое стихотворение.

ПРОШЛА большая жизнь... Многие изменились во мне самом, а многое — и во времени. Я надеюсь, что стихи, которые написали поэты моего поколения, тоже изменили время и историю.

ЕСТЬ стихи, с которых я начинался как поэт. Одно из них — «Со мною вот что происходит...» Я не придавал ему никакого большого значения. Написал его, поссорившись с любимой девушкой. Просто поставил цель — помириться с ней. Писал, не думая о рифмах: они такие простые — «приходит — не ходит...» В общем, я добился своего, хотя эти стихи и не спасли нашу любовь.

И вдруг случилось нечто неожиданное. Стихи стали записывать в тетрадки студенты, рабочие... Оказывается, они были близки всем, кто меня окружает. Я, говоря о самом себе, как бы заговорил о многих людях совершенно разных профессий. Потом с этим стихотворением и вовсе стали происходить чудеса: его стали петь другие поколения. Сначала — под самодеятельную музыку, под гитару — на палине, где-то в тайге... Затем — через двадцать три года после его написания — оно прозвучало в фильме Рязанова «Ирония судьбы...» Потом его стали переводить на другие языки. Особенную популярность оно получило в ГДР, потому что мысль о разделенности близких людей наложилась на трагедию германского народа, разделенного тогда Берлинской стеной. Так этому стихотворению был придан расширительный смысл.

Сейчас, когда я бываю за рубежом и выступаю перед нашими соотечественниками, которых нельзя назвать «бывшими» (ибо бывших соотечественников нет), меня чаще всего просят прочесть это стихотворение, потому что оно гораздо больше, чем интимное. С болью воспринимались эти

стихи в Ташкенте и Казахстане, где наши русские, наши люди, наши братья по крови, по традициям и по воспитанию по какому-то велеанию исторических жестоких катаклизмов оказались как бы в иностранных державах, отделенных от нас. Вот что произошло со стихотворением, которое было задумано и начиналось как интимное.

ДЛЯ меня очень важно стихотворение «Свадьбы». Совсем недавно я узнал, что это стихотворение выучил наизусть Михаил Зощенко и читал его многим людям. Олег Целков рассказал мне по телефону об этом совсем недавно, в самый невеселый момент жизни. Михаил Зощенко как будто подал мне откуда-то из прошлого, очень нелегкого для него самого, добрую руку...

Как-то неосознанно выбирал я для себя свое отношение к поэзии и к искусству вообще. Есть два взгляда на искусство: первый — искусство должно переделать мир. Это тяжелая задача, может быть, невозможная, потому что мы не можем переделать и усовершенствовать до абсолютных самих себя. Может быть, и хорошо, что не можем... Есть и вторая фигурация искусства — искусство хотя бы минимально облегчает людям их страдания... Сюжет стихотворения «Свадьбы» я взял из моего детства, когда в 1941 году мальчишкой плясал на военных свадьбах перед молодыми людьми, которых в ту же ночь или на следующий день отправляли на фронт.

СЕЙЧАС в нашей прессе и на ТВ появилось нечто морально недопустимое ни для журналистов, ни для писателей. Нет-нет, да и прорвется из уст какого-нибудь репортера или писки издевки над теми людьми, которые садятся на рельсы, которые вынуждены бастовать, потому что им по несколько месяцев не платят

зарплату. Их называют лодырями, паразитами общества, а иногда даже и провокаторами. Сестя на рельсы их толкает трагичность жизни, забытость нашим государством. Я не понимаю, как люди пера и искусства могут становиться в таких случаях не на сторону униженных и оскорбленных, а на сторону тех, кто голодал, и тех, кто даже в блокадном Ленинграде ходил с розовато-поблескивающим лицом: это были *людоеды* в другом смысле — в смысле проявления равнодушия к страдающим, униженным, оскорбленным... Об этом было мое стихотворение «Мед».

У КАЖДОГО из нас, даже если он родился в большом городе, есть своя малая родина — внутри родины большой. В городе — это улочка, район. Когда я жил в Москве, приемной родиной моего детства стала знаменитая Марьяна роша. Старомещанские улочки... Помню, иду с Ярославом Смеляковым по базару в Ташкенте. Остановились возле слепого человека, который гадал по руке. Он взял мою руку и сказал: каждый раз, когда вам будет плохо, обязательно возвращайтесь туда, где вы родились. И обратно вы вернетесь более сильным человеком...

В ДРАГОЦЕННЫХ первых двух томах моего выходящего восьмитомника собраны совсем ранние мои стихи,

чудом сохранившиеся в тетрадях. Тетради были такого плохого качества, что как мы эти стихи ни переснимали, как ни старались, факсимильного воспроизведения не получалось. Тогда издатель собрания сочинений Виктор Яковлев сказал: «Послушай, Женя, у тебя есть сын такого же возраста, в каком был ты, когда писал эти стихи. Пусть он переписшет их своим почерком». Это была замечательная идея. Поразительно, почерк моего сына Жени оказался похожим на мой детский почерк...

Когда начал писать, я стал писать сразу стихами, точнее, так мне казалось. Было очень смешно. Первое, что я написал собственной рукой:

Я проснулся рано-рано
и стал думать, кем мне
захотел я стать
грабить корабли.

(1937).

Вот каким я был опасным молодым человеком.

Захворал воробушек,
воробушек-хворобушек.
Ранен был он гадкой,
знать бы чьей, рогаткой.
Чистит перышки свои —
выпал камушек в крови.

(1939).

Я потом часто бывал в таких ситуациях, когда камушек в крови выпадал из моих перьев. Не все это замечали.

Почему такая стужа?
Почему дышу с трудом?
Потому что тетя Лужа
стала толстым дядей
Льдом.

(1939).

Чеснок, чесночок,
дай свой беленький бочок.
У тебя, голубчика,
сто четыре зубчика.
И хотя мне рано в бой,
буду пахнуть я тобой.
Буду пахнуть за Урал,
чтобы Гитлера пробрал.

(1944).

ОДНАЖДЫ я написал поэму про Магеллана. Прочитал отцу. Там были строки про то, как Магеллан входит куда-то, «одетый в тонкий нидетоль, в приемную, где ждал король». Отец меня спросил: «Что такое нидетоль?» — «Это такое тонкое нидерландское полотно...» — «Женя, это же подрифмовка!» — возразил отец... И с тех пор, когда я начинал привирать или фантазировать, он мне говорил: «Женя, опять ты нидетоль!» Вот такая возникла у нас поговорка...

Но однажды в 1945 году отец всерьез обратил внимание на одно мое четверостишие:

Огромный город
помрачнел.
В нем затаился враг.
Цветком нечаянным
белел
парламентарский флаг.

«Кажется, в тебе что-то есть», — сказал папа. Он обратил внимание на слово «нечаянный». По его мнению, в этом слове была поэзия.

Точно так же, много лет спустя, я читал в Лос-Анджелесе стихи «Граждане, послушайте меня...» композитору Игорю Стравинскому. И у меня была одна маленькая личная победа: была в этом стихотворении строчка, кото-

О СЕБЕ, СВОИХ СТИХАХ...

рую я обожал. Ее никто не замечал, и мне было обидно. Стравинский ее заметил и даже подпрыгнул, когда услышал: «Пальцами растерянно мудрая...» Я этим ужасно гордился...

КОГДА у Пастернака случились неприятности, я очень хотел сказать ему слово поддержки. В то же время я боялся обидеть его — сочувствием, что ли. Но я к нему никогда часто не ходил. Однажды мой старый друг Саша Межиров придумал, как увидеть Пастернака. Он сказал: «Скоро будет утренний концерт Стаса Нейгауза. Пойдем. Пастернак, наверняка, будет там...» Это было в самом начале травли поэта — во времена «Доктора Живаго»... Когда мы пришли на концерт, Пастернак, действительно, там был. Он стоял, окруженный профессиональными музыкантами. Мы с Межировым стали ходить вокруг, чтобы он нас заметил. Вскоре он нас увидел и стал дико хохотать (и это — в тот самый момент, когда его называли «врагом народа», «антисоветчиком»!): — «Ну, Женя, подойдите сюда. Что вы тут ходите, стараясь попасть мне на глаза? Вы что — боитесь меня унижить тем, что такой молодой поэт выражает мне сочувствие?! Я очень рад вас видеть. Подойдите сюда. Ну, будьте проще...» Я подошел. И вдруг он процитировал одну строфу из моего стихотворения «Мне мало всех щедростей мира...»:

Мне мало всех
щедростей мира,
мне мало и ночи и дня.
Меня ненасытность
вскормила,
и жажда вспоила меня.

...Молодому поколению сейчас трудно представить, что в 1951—1953 гг., во времена сталинской паранойи, стихи о любви звучали политически. Когда Симонов после смерти Сталина однажды напечатал в первом номере одной газеты вместо официальных стихов полосу стихотворений о любви, это было революционное событие...

Какая странная была со мной раздвоенность! С одной стороны, я писал пустозвонные газетные риторические стихи, с другой — в моей поэзии жила лирическая линия. В 1952 году у меня вышла книга «Разведчики грядущего». Это была очень плохая книга. Я пришел в Литературный институт. Там были замечательные и талантливые ребята. Моей самолюбивости не было предела. Сейчас я немного поскромнее. Мы проверяли друг друга

даже не на собственных стихах — а знанием чужих! Я писал стихи, которые нигде не хотели печатать. Их печатала только стенгазета Литературного института. Потом ко мне подходили поэты, которых я уважал, и пожимали руку:

Стоял вагон, выдавший
виды,
где шалаком выложен
откос.
До буферов травой
обвитый,
он по колеса в насыпь
врос.

Он домом стал. В нем
люди жили.
Он долго был для них
чужим.
Потом привыкли. Печь
сложили,
чтоб в нем теплее было
им.

Потом — обойные
разводы.
Потом — герани на
окне.
Потом расставили
комоды.
Потом прикрепили
к стене

открытки с видами
прибоев.
Хотели сделать все,
чтоб он
в геранях их и в их
обоях
не вспоминал, что он —
вагон.

Но память к нам
неумолима,
и он не мог заснуть,
когда
в огнях, свистках
и ключьях дыма
летели
мимо
поезда.

Дыханье их его касалось.
Совсем был рядом их
маршрут.
Они гудели, и казалось —
они с собой его берут.

Но сколько он ни
тратил силы —
колес не мог поднять
своих.

Его земля за них
схватила,
и лебеда вцепилась в них.

А были дни, когда сквозь
чащи,
сквозь ветер, песни
и огни
и он летел навстречу
счастью,
шатаая голосом плетни.

Теперь не ринуться
куда-то.
Теперь он с места не
сойдет.
И неподвижность — как
расплата
за молодой его полет.
(1952).

КОГДА-ТО на обсуждении моей книги Владимир Соколов сказал: «Сначала Евгению Александровичу нужно овладеть марксистско-ленинским мировоззрением, и лишь потом ездить по заграницам...» Но свою программу я перевыполнил — побывал в 94 странах. И вы знаете, я их полюбил и понял: нет плохих народов! Я еще больше оценил наш народ и нашу родину, потому что она дала мне язык и воспитание, научила меня доброте к людям. Это очень драгоценно — узнать весь мир. Думаю, что путь к любви собственного народа — знание всего остального человечества. С нами поступали неправильно: нас заставляли любить нашу родину. А мы ее и так любили! Нам не давали видеть другие страны, боялись, что они нас чем-то соблазнят, и мы забудем свою родину. Это была политика «заставления». Так, плохие учителя в школах умели отучать детей даже от Пушкина... А народ у нас прекрасный, и страна наша прекрасная. И вместе с вами в самые тяжелые моменты я повторяю нескромные строки: «Вывесит все, и широкоую, ясную грудью дорогу проложит себе...» А дальше продолжать как-то не хочется. Хочется своими глазами увидеть будущее. У нас на это еще есть силки. Не надо падать духом.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ вечера мы попросили Евгения Евтушенко сказать несколько слов читателям «Книжного обозрения»:

— Мне хочется, чтобы в России появились те поэты, о которых я всю жизнь мечтал. Я хочу, чтобы перед моим носом засверкали на дорожке розовые пятки, которые я бужу не досада. Должна появиться плеяда новых поэтов — совсем других! Эта плеяда поймет, что сила русской национальной поэзии в том, что она не может существовать без преемственности. Оплывание предыдущего поколения — тупик для следующего поколения. Мы очень много спорили с предыдущим поколением, но мы и дружили, любили друг друга, знали стихи друг друга наизусть. И поэтому мы продолжили их дело. Все преемственно в этом мире. Пушкин плевался от многих стихов Державина, но любил его и знал его стихи наизусть. В конце концов, он был благословлен Державиным...

Репортаж с вечера
Евгения Евтушенко
вели
Александр ЩУПЛОВ
и Александр ГУСЕВ.